

Из книги "Бог в душе или человек в Церкви?"

Диакон Андрей Кураев

ЗАЧЕМ ХОДИТЬ В ХРАМ, ЕСЛИ БОГ В ДУШЕ?

У каждого из нас есть знакомые и даже родные люди, которые с недоумением смотрят на наши сборы в храм. На их лицах написано глубокое непонимание, а порой и возмущение. Иногда оно изливается в слова: «Ну ладно, ударился ты в веру, пусть уж. Но зачем же в храм-то ходить, столько времени и сил на это тратить?! Вот я, к примеру, тоже верующая. Но я верю в душе. Бог у меня в душе, и мне не нужны никакие внешние ритуалы. Да вспомни, как недавно сатирик Михаил Задорнов сказал: «Для общения с Богом мне не нужны никакие посредники!».

Как пояснить таким людям наше поведение? Как всегда, есть два пути: нападения и защиты. Критика подобного рода житейской «философии» не трудна. В конце концов, толики здравого смысла достаточно, чтобы понять, что общество, в котором шуты (по нынешнему — «сатирики») воспринимаются в качестве экспертов в области богословия и духовной жизни, весьма больно. Болеет оно как минимум утратой чувства юмора: оно уже не способно смеяться, видя, как шут залезает на проповедническую кафедру... Нынешнее общество считает серьезным то, над чем потешались наши предки в масляные недели...

Не стоит серьезного отношения и заверение в том, будто у наших критиков «Бог в душе». Да, конечно, такое состояние является высшим идеалом духовной жизни. Этого для нас желал еще апостол Павел: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал. 4, 19); «да даст вам крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши» (Ефес. 3, 16-17).

Если бы слова «Бог у меня внутри» сказал преподобный Серафим Саровский — эти слова имели бы вес, ибо они были бы честным свидетельством о плоде его подвига. Если бы пустынный сказал, что он приучил себя к непрестанной внутренней молитве, и потому отдаленность храма, который он посещает лишь изредка, для него уже не чувствительна — в таких устах такие слова тоже были бы оправданны.

Но когда мы слышим такие же слова от обывателей... Тогда у нас есть право поинтересоваться: в результате каких же именно духовных подвигов Вы достигли такого успеха? Бог у Вас в душе? Поясните, каким же был путь Вашей молитвы? Как именно Вы переживаете присутствие Бога в Вашей душе? Какие плоды даров Духа Вы в себе ощущаете? Вот Вам подсказка: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5, 22-23). Есть в Вас эти чувства? Нет, не свойства характера, а дары. Дар — это то, чего в нас прежде не было, но при духовном рождении вошло в нашу жизнь, обновило ее? Не помните Вы такого обновления?

Вы можете отличить в Вашем душевном опыте: вот это — «присутствие Бога», а вот это — проявление обычных человеческих качеств: ощущение красоты, гармонии, совестное чувство, человеческая приязнь?.. Не можете? Так, может, Бог, Творец Вселенной и не входил в Вашу душу?

Так, может, Вы спутали — и отождествили веру в Бога с присутствием Самого Бога? Впрочем, подождите, а вера-то в Вас есть? Вера ведь не просто пассивное

согласие: «Ну ладно, я согласна, что Что-то там такое есть...». Вера — это стремление к тому, чтобы оказалось правдой то, что решилась полюбить душа... Вера не пассивно уступает давлению авторитетов или доводов; вера активно жаждет: «Я хочу, мне нужно, чтобы так было!».

Вера — это действие. Это стремление к тому, что уже предчувствуется, но еще не стало очевидностью. Стремление к тому, что уже прикоснулось к нашей жизни, бросило в нее свой отблеск, но еще не вошло в нее всецело... **Вера — это желание нового опыта.** Но те, кто говорят: «У меня моя вера, и она в душе» — говорят это с такими тусклыми глазами, что трудно поверить, будто они хотя бы когда-то испытывали стремление к Богу.

Нельзя любить, не проявляя своей любви, не делая хоть каких-то движений к любимому человеку. Так же нельзя верить, никак не проявляя своей веры во внешних действиях. Если человек утверждает, что он любит кого-то, но ничего не делает во имя своей любви: не ищет встреч, ничего не дарит, не уделяет времени для общения, ничем не жертвует — значит, он просто хвастается перед своими уже влюбленными друзьями: «Вот, и я ничем не хуже, и у меня есть возлюбленная!».

Итак, вы, утверждающие, что у вас «Бог в душе» — что вы сделали для того, чтобы очистить свою душу для столь дивного Посещения? Как и каким именем вы позвали Его? Как Вы храните Его в себе? Что изменилось в вас от этой Встречи? Полюбили ли вы Того, Кого встретили? И что вы делаете ради этой любви? Если эти вопросы повергают вас в недоуменное молчание — так хотя бы не считайте себя превзошедшими тех, кто хоть что-то делает для того, чтобы пребывать с Богом! Вечно стоящие — не презирайте идущих, даже если те спотыкаются!

Такие вопросы можно задать тем, кто свою леность оправдывает своей мнимой «духовностью».

Но ведь и нам самим важно осознать — зачем мы-то ходим в храм.

Если язычники говорят о том, какую жертву люди должны принести богу, то Евангелие говорит о том, какую жертву Бог принес людям: *«Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих»* (Мф. 20, 28); *«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»* (Ин. 3, 16).

Лишь на десятую или сотую часть религия состоит из того, что в нее вносят люди. Главное в религии то, что привносит в нее Бог. Главное не то, что люди делают ради Бога, но то, что Бог делает ради людей. Главное в религии не то, что люди приносят в храм, а то, что они износят из храма. Важно не то, зачем мы ищем Бога. Важнее то, зачем Он ищет нас.

Итак, в храм мы приходим для того, чтобы нечто в нем получить. Храм — это стены, выстроенные вокруг Таинства Причастия. Таинство же состоит в том, что к людям протянута рука с Дарами. Поэтому посещение храма — не тяжкая повинность, а дивная привилегия. **Нам дано право стать соучастниками Тайной Вечери. Нам дана возможность стать «причастниками Божеского естества».**

Те, кто говорит, что им храмы и посредники не нужны, вряд ли считают авторитетным для себя слово Евангелия. Но, может быть, они почувствуют

человеческую достоверность в словах всеми любимого Винни-Пуха. Однажды, в ответ на предложение Пятачка сочинить песенку, Винни-Пух сказал: «Но это не так просто. Ведь поэзия — это не такая вещь, которую вы находите, это вещь, которая находит вас. И все, что вы можете сделать, это пойти туда, где вас могут найти».

Бог искал нас. И нашел. Нам же просто надо пойти и встать в такое место, где Бог ближе всего подходит к людям, в такое место, где Он самые небывалые дары раздает людям. Если Чашу с причастием Христос подает нам через Царские врата храма — стоит ли нам отворачивать нос и твердить: «Бог у меня и так в душе»?

Священник Даниил Сысоев
«У МЕНЯ БОГ В ДУШЕ...»

У меня Бог в душе, поэтому мне ваши обряды не нужны. Я и так делаю только добро.

Возражение это встречается чаще всего. Но позволь спросить тебя: что ты понимаешь под словом «Бог»? Если речь идет просто о совести, то, конечно, у любого человека этот голос Божий звучит в сердце. Тут нет никаких исключений. И самые страшные убийцы — тоже не исключение: и они знали, что есть добро и зло, и голос Бога пытался удержать их от злодеяний. Но неужели лишь потому, что они слышали этот голос, они достойны рая? Да и совесть — это не Бог, а лишь Его речь. Ведь если на магнитофоне или по радиоприемнику ты слышишь голос, к примеру, президента, то разве это значит, что он у тебя в квартире? Так же и наличие совести не говорит о том, что ты уже соединился с Господом.

По настоящему сказать — «Бог у меня в душе» может только святой. А разве ты свят? Разве это не самообман, пустая отговорка, которой ты закрываешься от Вечного Творца?

Ты говоришь: «Я делаю только добро, неужели Бог пошлет меня в ад?» Но позволь мне спросить. Что считать критерием добра и зла, по которому можно определить, что ты или я делаем добро или зло? Если считать критерием самого себя (как часто говорят: «я сам для себя определяю, что такое добро и зло»), то изволь заметить, что тогда эти понятия просто лишаются какой-либо ценности и смысла. Если ты имеешь право сам определять для себя мерило добра и зла, так позволь это и всем убийцам, извращенцам и насильникам. Да, кстати, позволь также и Богу не согласиться с твоими критериями и судить тебя не по твоим, а по Своим меркам. А то как-то несправедливо получается — ты сам себе выбираешь мерило, а всемогущему и свободному Богу запрещаешь тебя судить по Его законам.

Кроме того, понятие «порядочность» является понятием светской этики. Это понятие не определено в себе, никто не может раскрыть его значение, так как светская этика не имеет никаких критериев нравственности, кроме оставшихся, весьма размытых представлений о том, что есть добро и что есть зло, позаимствованных ею опять же из христианства. (Питанов В. Ю.)

Проф. А. И. Осипов
ВЕРА ВСЕГДА ДЕЙСТВЕННА

— **Считается ли верующим человек, если он верит в душе, но не**

посещает Церковь и не соблюдает посты?

— По формальным признакам, конечно, такой человек верующим не считается. Представьте, сейчас сюда кто-то вбежит и закричит: «Горим! Пожар!» Если я ему поверю, то тут же выскочу отсюда через дверь или окно, а если не поверю, то и с места не двинусь. Как я могу в душе верить и не иду в храм, где я единственно могу прийти в себя, помолиться, услышать Евангелие и объяснение его? Если веришь, то нужно исповедаться, очистить свою душу, ведь не безгрешные мы существа, не Ангелы.

Вера всегда действенна. Если я не делаю, то я и не верую. Неверие подобно компьютеру, в нем много всяких программ, но он не живой, компьютер остается компьютером. Так и в моей памяти есть нечто подобное вере, но это не дает никакого реального толчка моей жизни, остается абстрактной идеей. Как в геометрии — точка не обладает размерами. Поэтому я сомневаюсь, что вера только в душе может принести пользу человеку. Хотя категорически сказать не могу, потому что вера подобна зерну (Мф. 13, 31). Зернышку, которое может дать малый росток, затем прорасти больше, даже стать деревом и принести плоды. Все зависит от человека. Одно дело — начинающаяся вера, и тогда понятны эти рассуждения насчет храма, но если человек десятки лет верит в Бога и ничего церковного не признает, в храм не ходит, то здесь я сомневаюсь в его вере. Наш философ А. Хомяков подобрал для этого хорошее русское слово: «Это не вера, а веренье».

NN

ЧЕМ ВЕРА В БОГА-КОТОРЫЙ-В-ДУШЕ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ХРИСТИАНСТВА

У *бога-в-душе* какие задачи? Охранять от неприятностей. Удачу приносить. Ну, еще в виде совести напоминать о том, как можно и как нельзя поступать — но напоминать не слишком настойчиво, потому что мы все равно по-своему сделаем. А смысл этих напоминаний в том, что мы должны, во-первых, правильно вести себя в социуме, чтобы проблем не заработать, во-вторых, ощущать себя добропорядочными людьми, не теряя чувства собственного достоинства. Кроме принесения удачи нам желательно, чтобы *бог-в-душе* наказывал тех, кого мы считаем плохими людьми. Но это в принципе не обязательно, если они нас не слишком достают. Есть у *бога-в-душе* еще одна побочная функция: делать нашим покойным родственникам землю пухом и вообще чтобы им там было хорошо, независимо от того, верили ли во что-нибудь они сами. Но эта функция не слишком важная, поскольку «кто знает, что там вообще есть», «никто оттуда не возвращался» (замечу кстати, что говорящие так отрицают Воскресение Христово, даже не задумываясь об этом) и так далее.

В отличие от *бога-в-душе*, Бог не обещает нам комфорта: «В мире будете иметь скорбь» (Ин. 16, 33). Но еще Он напоминает нам о том, что в мире, в котором мы будем иметь скорбь, мы ненадолго, а впереди — вечность, и в эту вечность Он зовет нас за С собой.

Смысл Таинства причастия в первую очередь именно там, в уготованном для нас Ином Бытии — но и не только. Иначе не было бы надобности причащаться часто.

Причастие — это общение с Богом, в некотором смысле — полнота этого общения (хотя наше сознание и пораженное грехом сердце не может эту полноту ощутить во всей ее неизмеримости).

Евхаристия (греческое название Таинства причастия, буквально — благодарение) — сердце духовной жизни христианина. Без Причастия человек в определенном смысле мертв духовно: «Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин.6, 53).

Именно в этом — в совершении Евхаристии — главный смысл существования Церкви. Апостол Павел, обращаясь к коринфским христианам, говорит: **«Вы — тело Христово»**. Это и есть главное определение христианского понимания Церкви. Причащающийся становится частью Церкви — единого тела Христова. Отказывающийся от Причастия отказывается от единства с Церковью, и — отвергая плод голгофской Жертвы — от своего спасения. Поэтому в свете Нового Завета верна жесткая формулировка Киприана Карфагенского (нач. IV В.): **«Кто не может назвать Церковь своей Матерью, тот пусть не называет Бога своим Отцом»**. (Многие нецерковные люди хвалятся, что они каждый день читают молитву "Отче наш")

Может ли Бог спасти душу человека не причащавшегося? Может. Среди почитаемых в лике святых есть мученики, которые примкнули к христианам уже во время их казни. Их любовь к принявшему за них смерть Иисусу была подлинным ответом на Его любовь — до терпения мучений и смерти.

Конечно, тех, кому достаточно *бога-в-душе*, цитаты из Библии не убедят в необходимости участия в таинствах Церкви. Честнее было бы все-таки признаться хотя бы самим себе, что тот *бог-в-душе* — в душе, которой хорошо и без участия в таинствах Церкви, без чтения Священного Писания, без соизмерения своей жизни с Евангелием — это не тот Бог, который говорит с нами в Библии. И, по современной моде, ничего страшного: ведь *главное же верить во что-нибудь*. А *бог-в-душе* — это именно *что-нибудь*. Потому что в христианстве Бог — уж никак не «что-нибудь», а Кто. Одним удобнее без Него. А другим — тем, кто без Него не может — «Он... сказал: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Лк. 9, 23).

Гурболиков Владимир: Я иду в Церковь за своим шансом.

Мне хочется избавиться от того страшного сознания, которое хуже опухоли — что Бога во мне нет, что я не умею и не могу жить так, как только и нужно жить, если хочешь, чтобы Бог...

Ничтожная, дрянная жизнь, которую я веду — что тут можно говорить о Боге в душе?! — И я иду в Церковь.

Она — и больница, и родина, и место, где тебя по-настоящему любят и где ты учишься любить. Христос, все Таинства, вся традиция, порожденная любовью и стремлением к Нему, — я в Церкви словно просыпаюсь и оттаиваю, она дает силы и поддержку, чтобы стать лучше, дает надежду, что Бог будет и в моей душе.

Может и непонятны эти «устаревшие» церковные правила, но что мне предлагают взамен? Модные теориейки от чудо-голодания до психоанализа, которые

претендуют, что могут все изменить, хотя на самом-то деле решить главную мою проблему они неспособны?..

Бога нет в моем сердце, и психоаналитик мне Его туда не «вправит». Бога нужно искать именно в Церкви.

Я понимаю, что тут посыплются вопросы: это в Церкви-то, где на тебя накричать могут, деньги потребовать, обзывают друг друга еретиками и еще чего только не делают?..

Да, в Церкви. Потому так и оглушительна брань, так ужасно зловоние гноящихся, вскрытых и смердящих, наших израненных душ, оттого так абсурдна наша патологическая нелюбовь, что она — в Церкви! Что Церковь светом своим обнаруживает эти болезни. Я вижу свою жизнь в зеркале иной, святой жизни — и понимаю, что должен быть не таким, совершенно не таким, каков я есть!

«Придите ко мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас», — говорит Христос. И тянутся к Нему толпы тех, кто почувствовал, что болен, что нет Бога в душе, что душа страдает. Так раненные тянутся в лазарет. Страшная, почти неприличная в своей наготе толпа искалеченных людей, единственное отличие которых — осознание своей увечности и поиск Врача — Бога для души.

Отсюда и крик, и грязь — на фоне Красоты. Но Церковь не санаторий, не санаторий, а скорее уж фронтальной лазарет. Тут и боль, но тут и надежда...

Может быть, кто-то считает себя вполне здоровым, а другие не знают, что в Церкви лечат.

Может, у многих действительно Бог в душе — говорю это без иронии: что я знаю о Боге и о других людях?.. Только бы Бог и вправду оказался у меня в душе, и я был бы жив...

Протоиерей Сергей Николаев

«Бог в душе»

Обращаясь к христианам греческого города Коринфа, апостол Павел писал: «...к стыду вашему скажу, некоторые из вас не знают Бога» (1 Кор. 15, 34). Апостол упрекает не язычников, действительно не знавших истинного Бога, а своих же братьев по вере. Почему же? За что? Да потому, что представление о Боге у немалой части христиан коринфской общины не выходило за рамки: «Он существует». Дальше начиналось неведение. Неведомы были ни свойства Божии, ни дела Его. Вера жила сама по себе, не имея плода, не имея практики, не воплощая себя в делах и стремлениях. Каким был человек до просвещения словом Христовым, таким и оставался.

Минуло почти две тысячи лет, однако и сегодня очень ко времени звучат слова: «Некоторые из вас не знают Бога». Как часто вера и наших современников ограничивается лишь признанием существования Бога! Многие ли смогут сказать, в какого Бога они верят? Одни не знают Его *ещё, пока что, до времени*, но стремятся узнать. Не о них речь. Другие упорно знать не хотят. Им довольно верить в «*нечто и туманну даль*». Вот от них-то, *упорных*, чаще всего и приходится слышать: «Бог у меня в душе».

На чём же основано нежелание «*знать Бога*»? На нежелании менять свою жизнь. Оно так удобно — незнание Бога и Божьего закона: нет закона — нет и греха.

Нет греха — нет и ответственности.

Веря в «незнаемого» Бога можно любой безнравственный поступок представить (даже самому себе) как высоконравственный. Муж уходит из семьи к другой женщине, потому что разлюбил жену, и считает для себя безнравственным притворяться любящим. Или жена уезжает от мужа, потому что считает его пример вредным для детей. Знаю случай, когда женщина, многодетная мать, покинула мужа, потому что он был недостаточно церковен.

Или ещё, пришли как-то на церковный двор два молодых человека и протягивают мне большой золотой нательный крест: «Мы хотим передать его в церковь». Я спросил у них: «А это ваш крест?» — «Нет, это крест одного нехорошего человека». — «Он сам отдал вам его?» — «Нет, мы забрали у него крест, потому что этот человек не имеет права носить его». Кстати, они забрали у него и ещё некоторые вещи, на которые, по их представлениям, он также не имел права. А вот каким образом они определили, что *нехорошест*ь того человека превосходит их личную *нехорошест*ь, они не объяснили. Понятно, что крест я не взял. Вот вам пример *своей* правды, *своей* нравственности, *своего* «Бога в душе».

Когда словами «Бог в душе» исчерпывается вся духовная жизнь, нелепо говорить о вере. Точнее — это тоже вера, но мертвая. «И бесы веруют» в Бога, по словам Апостола (Иак. 2, 19). Как может проявиться вера у «не знающего Бога»? Она мертвым, несозидающим грузом будет лежать в его душе. Именно грузом, неудобным и тяжёлым. Потому что состояние *признания* Бога без *призывания* Бога, то есть без активного действенного желания общения с Ним, без проявления веры в Него, очень тяжело для человека.

«Невидимая» вера

О вере так же можно услышать: «Он очень верующий человек, но верит в душе. Без всяких внешних атрибутов». Говорят, полагая, что вера в Бога, как явление духовное, должна быть невидимой. На самом деле вера всего лишь отчасти невидима, потому что живая вера непременно выразит себя внешним образом. Так же как Бог, Который есть Всесовершенный Дух, невидим, но проявления Его могут быть видны. Тому пример — весь наш сотворенный Господом видимый мир.

О *вере в душе*, или, еще усугубляя — *вере в глубине души*, обычно говорят с оттенком некоторого превосходства перед верой видимой, с *внешними атрибутами*. Еще бы! Ведь внешнее так легко подделать, а в глубине души нет надобности фальшивить. Правда, чем отличается глубинно-верующий человек от неверующего — не совсем понятно... Да мы и не станем сравнивать, а лучше предоставим слово свят. Феофану Затворнику: **«Вера, когда жива и пламенна, не может укрываться в сердце без обнаружения, а сама собой выходит и в слове, и во взоре, и в движении, и в делах».**

Вера непременно выражает себя и в образе жизни, а именно — в благочестии, то есть в благом почитании Бога, в устроении своей жизни по Божьему закону. **«Благочестие — это признак духовно живущего человека»**, — говорит свят. Тихон Задонский.

Вера человека усматривается не из его заявления о ней, не из его душевного устроения и интеллекта, а из его действий, поведения, отношений с

другими людьми, из его оценки своих поступков.

Верить в душе? Но во что? «Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением», — говорит Апостол (1 Пет. 3, 15). Веруя, мы непременно должны знать, *во что веруем*. Именно поэтому при Крещении взрослого человека от него требуется прочтение Символа веры, то есть молитвы, где последовательно перечисляются объекты его веры, понятия и явления, составляющие её. А как же иначе? **«Правило веры нашей начинается знанием, проходит чрез чувство и завершается жизнью, овладевая через это всеми силами существа нашего и укореняясь в основах его»** (свят. Феофан Затворник).

Зачем нужны посредники?

Количество верующих и церковных людей не одинаково. Ведь церковная жизнь включает в себя правила, обязанности, ограничения. Не говорю, что она состоит только из ограничений и обязанностей, но они есть. Эти-то ограничения и останавливают немалое число верующих на пороге Церкви. Таинство крещения да маленький нательный крестик на шнурке или цепочке остаются для них единственной связью с Православием.

Есть люди добрые, трудолюбивые, порядочные от природы или благодаря воспитанию. Казалось бы, зачем им нужна Церковь? Может, они могли бы достичь Царства Небесного и без неё? Человеку, никогда не совершавшему дурных поступков, трудно поверить, что его душа может погибнуть, что и ей нужна помощь. Однако попробуйте спросить такого, во всём *порядочного*, человека, откуда у него взялось мнение о своей порядочности? Отсутствие упрёков совести или мнение других людей? Где уверенность, что они объективны? Личное мнение? Но можно привести множество примеров, когда человек рассматривает свою порядочность просто на фоне непорядочности других. Грех познается лишь в свете Истины. А это возможно только в Церкви, где пребывает эта Истина, Которая есть Христос. **В Церкви, конечно, есть грешники. Но вне Церкви — нет святых.**

Прожить жизнь порядочным, честным человеком можно, но спастись без Церкви нельзя.

Так называемые «внешние ритуалы Церкви», которые кажутся ненужными нецерковному человеку, оказываются необходимыми, исходя из двухсоставности человека. Получая благодать в Таинствах, человек по своей природе нуждается в телесном подтверждении того, что Таинство совершилось. Сам Господь сопровождал какое-либо духовное действие внешним — приклонял колена, возводил очи. Так как в человеке душа и тело связаны, то состояние души естественно отражается и на состоянии тела. И наоборот.

Кроме того, внешние обряды Церкви показывают, что Церковь и все мы едины, в какую бы православную церковь мы не пришли даже в другой стране.

Человека спасает не честная жизнь, не поступки, потому что тогда незачем было бы воплощаться и страдать Сыну Божию. Человека спасает Сам Господь. Но как? Через благодать, которая даётся ему в Церкви. По словам свят. Филарета Московского, как необходима человеку для рождения в жизнь утроба матери, так же необходима ему для духовного рождения духовная утроба матери Церкви.

«Верить в душе», не будучи членом Церкви, всё равно, как носить фотографию

любимого человека в кармане, избегая встреч с ним. Такой «роман» обречен. **«Вне Церкви нет духовной жизни и духовно живущих лиц»**, — писал свят. Феофан Затворник. То, что многие принимают за духовную жизнь «без посредников», на самом деле просто **букет эмоционально-интеллектуальных переживаний в комплекте с религиозно-бытовой атрибутикой. Разговор о Боге за чаем, при свечах и под иконами.**

Будущая наша жизнь начинается здесь, на земле. Узнать, что такое вечное мучение, пусть в микроскопической дозе, можно и вне Церкви. Но получить представление о будущем блаженстве возможно только в Церкви. И каждый церковный человек испытал это на собственном опыте. Господь каждому по-своему даёт почувствовать его. Бог, как говорил старец Паисий Святогорец, иногда дает человеку конфетку просто так, незаслуженно, чтобы показать, какая ему на небесах уготована небесная кондитерская. Желая и вам этого сладкого знания.

Диакон Андрей КУРАЕВ: Что касается жизни в Церкви — то жить в ней действительно трудно. Как трудно расти в спорте, в науке или в музыке — так же трудно расти душой. Но этот рост приносит радость перемен. Мы могли бы сказать — радость прикосновения к Богу, но боимся, что окажемся совсем уж непонятым. И все же поверьте: никто из нас не остался бы в Церкви с ее постами и долгими службами, если хотя бы изредка не находил в ней такую радость, по сравнению с которой радости «тусовки» оказываются просто безвкусными.

Звать к себе мы не будем. Церковь — не плац, на который стройными рядами выводят колонны «юных борцов», «всегда готовых» невест к чему. «Расформированное поколение — мы в одиночку к истине бредем». Но мы можем свидетельствовать: Православие — это пространство жизни. Здесь можно быть человеком, здесь обретаешь повод к жизни. Здесь можно думать и можно любить.

Протоиерей Владислав Цыпин

Бог явил Себя миру чрез Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа, и люди действительно приближаются к Богу, познают Его через веру во Христа как Сына Божия. через принятие Его учения — Евангелия. Господь Сам сказал: *«Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ея»* (Мф. 16, 18), поэтому спасение достижимо в Церкви, через участие в тех таинствах, которые установил Господь, через участие в Таинстве Евхаристии прежде всего, а само вхождение в Церковь совершается через Таинство крещения. Для сознательно принявшего христианское учение, становится естественным и необходимым, быть верным сыном Православной Церкви, участвовать во всей церковной жизни по возможности полноценно.

У каждого человека есть свое место в Церкви. Господь никого не отвергает, Господь видит сердца человеческие, тем более Господь не отвергает людей грешных, «ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Мф. 18, 11). Чтобы приучить себя к практике церковной жизни — не обязательно говорить о каких-то специальных упражнениях. Просто эта практика должна иметь место и тогда что-то, поначалу не до конца понятное, принимаемое по послушанию, по дисциплине становится затем

вполне естественным и органичным, реализацией естественной духовной потребности человека.

Быть добровольно вдали от храма для христианина неестественно и противоестественно, недопустимо. Но если таковы обстоятельства, что храма рядом нет, то невозможность принимать Таинства должна приниматься как некое испытание, которое посылается человеку. Несмотря на обстоятельства, человек все равно должен оставаться со Христом, молиться Ему и жить по-христиански, мысленно и всем своим сознанием оставаться в Церкви.

Что такое церковный приход и чем он отличается от храма?

Прот. Димитрий Смирнов: Часто слова «храм» и «приход» используются как синонимы, но между ними есть разница, и большая. Храм — просто здание, а приход — это община, люди, которые приходят в храм. Они так и называются — прихожане. В Евангелии Христос произносит: «Там, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». То есть люди приходят в храм на богослужение во имя Христово, чтобы пообщаться с Богом и друг с другом.

В первые три века существования христианства по объективным причинам храмов не существовало — ведь до 313 года христианство в Римской империи было запрещено. Верующие собирались на богослужения в частных домах. После 313 года христиане начали использовать для служб бывшие языческие храмы и базилики, их переоборудовали и освящали. Таким образом, постепенно возникло понятие прихода. Строго говоря, приход — это форма самоорганизации церковной жизни, первичная структура Церкви. Можно привести такую параллель: Библия говорит, что Церковь — это мистическое Тело Христа. Так вот приход — это клеточка большого церковного Тела.

— *Прихожанин — это только тот, кто постоянно ходит в храм?*

Прежде всего, человеку нужно осознавать свою причастность к Вселенской Церкви именно через эту общность. Объективно такая причастность осуществляется на богослужении, в Таинстве Евхаристии, где происходит преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. Принимая Святые Дары, все люди, которые собрались в этом месте, соединяются со Христом, и через Него — со всей Вселенской Церковью. Вообще, быть христианином — значит участвовать в Таинстве Евхаристии. Но приходская жизнь отнюдь не сводится только к богослужению, или, лучше сказать, ни в коем случае не должна сводиться к этому. Жизнь прихода — это все, что происходит внутри данной общины.

— *В том числе и так называемая внебогослужебная жизнь?*

— Во-первых, это миссионерская деятельность — церковное воспитание и образование новых членов общины. Во-вторых, благотворительность: попечение о вдовах, сиротах, больных, стариках, инвалидах. На самом деле всю внебогослужебную приходскую жизнь можно уложить в эти две формы: миссия и благотворительность.

Можно хоть каждый день приходить в храм, молиться и даже участвовать в Таинствах, но при этом оставаться равнодушным ко всему, кроме себя, своего личного

спасения или жизни своей семьи, не интересуясь тем, что происходит в общине. Вряд ли такого человека можно назвать членом прихода, общины. Член общины — это тот, кто осознает жизнь общины как общее дело, то есть как Литургию. Обычно Литургия воспринимается как часть богослужебного круга. Это неверно. Литургия — это полнота всего церковного служения: и богослужебного, и миссионерского, и благотворительного.

- *Существует проблема ухода крещенных из Православной Церкви в разные секты и протестантские общины, потому что не находят себе места в Церкви. Православные приходы не могут удовлетворить их жажду активности, сводя всю христианскую жизнь только к богослужению.*
- Безусловно, такая проблема есть. Это — наследие советских времен, когда любая активность верующих вне храма была запрещена. Поэтому, к сожалению, основная часть православного духовенства, выросшая при большевистской власти, непривычна к такой деятельности. Служение многих священников направлено только на реализацию богослужебной деятельности. Литургия, Евхаристия — это действительно сердце жизни прихода. Понятно, что сердце — самый главный орган, без него жить нельзя. Но ведь организм не сводится только к сердечной деятельности, нужны и другие органы.

Но и Церковь — это живой организм, тело Христово. У него, помимо сердца, должны существовать и голова, и печень, и руки, и ноги... Если священник не проповедует — значит, у общины нет языка, если не помогает ближним — значит, у нее нет рук, если нет обучения основам веры — значит, отсутствует голова. Церковный приход, община — это полнота. Если там чего-то нет, это инвалид — «человек с ограниченными возможностями». В двадцатые годы прошлого века все приходы превратились в таких инвалидов. Пятнадцать лет назад пришлось начинать практически с нуля, восстанавливая, «пришивая» отрубленные органы.

Прот. А. Ильяшенко: Хотя многие люди приходят в Церковь, крестятся, венчаются, очень немногие укореняются. У меня такое любимое сравнение: приходят молодые венчаться, спрашиваешь: «В Бога веришь?» — «Да, конечно, раз пришли». — «А в Церковь ходишь?» — «Нет, зачем, у меня Бог в душе». — «Отлично, — говорю, — ты свою невесту любишь?». — «Да». — «Ты своего жениха любишь». — «Да». — «Вот давай тебя на Северный полюс, а тебя на Южный, и любите друг друга в душе. И по телевизору можете друг на друга смотреть и по телефону разговаривать, и в душе любите, сколько хотите!». Они, конечно, начинают противоречить. «Не нравится?! Вот и Господу угодно, чтобы люди не просто в душе верили. Для того и Церковь создана, потому что Бог хочет от нас не слов, а дел». Не потому существует Церковь, что кто-то её придумал — никакое человеческое устройство две тысячи лет продержаться не может. Но когда человек приходит в храм, он не всегда видит располагающую обстановку. Создание такой обстановки зависит от священника, от прихода. Приснопамятный отец Глеб Каледа замечательно говорил, что самая надежная и постоянная антирелигиозная пропаганда — это та, которую верующие ведут своими

грехами. Так что, если человек встречается хамство за свечным ящиком, внутри храма толкаются, спорят — это страшно. Вот об этом надо всегда помнить, — о том, что каждый из нас, христиан, может оттолкнуть от Церкви человека.

Митрополит Сурожский Антоний: Как можно быть христианином вдали от храма? Вспомним о том, как жили первые христиане. Их было очень и очень мало; они были рассеяны по лицу всей Римской империи; больше того — они были гонимы, и поэтому даже собираться для них было опасно, порой — невозможно.

Что характеризовало христиан, что делало их непохожими ни на кого, единственными в своем роде? То, что люди самого разного происхождения, разных общественных сословий, разного образования, разной культуры, разной национальности, разных языков, которые никогда бы и не подумали, что они могут встретиться на общей почве, нашли эту общую почву в том, что стали верующими, уверовали в Господа Иисуса Христа...

В то время вера оказалась первично не системой богословских или философских воззрений; вера оказалась плодом встречи с Живым Богом и отдачей Ему всей своей жизни, доверием до конца и верностью до конца. **Эта верность выражалась во всем: в чистоте жизни, в новом строе жизни.** Апостол Павел говорит о том, что делает человека неспособным называть себя христианином: дела плоти таковы: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, ненависть, убийство, пьянство, бесчинство и тому подобное (ср.: Гал., 5). А когда ставится вопрос о том, каковы плоды Духа, то есть какие плоды рождаются в человеческой душе, когда коснется ее дар Святого Духа, вот что мы читаем: плод же Духа — любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание.

Вот те черты, на которые нам надо обратить внимание, если мы хотим быть христианами. Быть христианином значит быть таким человеком, которого Бог может не стыдиться. Такой человек вносит в мир свет — там, где все потемнело; надежду — там, где только отчаяние и безнадежность; любовь — там, где горечь, безразличие, ненависть, ссоры, зависть, вражда, распри, расхождения.